

В ВОЛОГДЕ, в самом начале улицы Лермонтова, стоит старинный особняк из красного кирпича. На фасаде его знак Осавиахима. Широкая лестница ведет на второй этаж, в квартиру номер один, окна которой глядят с одной стороны на реку Вологду, с другой — на Золотуху.

— Здесь Фомины проживают?

Невысокого роста, приветливая пожилая женщина в очках протягивает руку:

— Екатерина Ивановна.

Представляясь: я — из Архангельской области. Приехал по заданию устьянской районной газеты. Собираю материал — Анисим Павлович Фомин был вожаком первой на Устье комсомольской ячейки...

Старушка смахивает набежавшую слезу. Пятого ноября исполнится год, как Анисима Павловича не стало.

Но вот поулеглось волнение, и на столе появились кипы бумаг, документов, фотографий, газетных вырезок. Передо мной — семейный снимок Фоминых. Шесть дочерей: Дагмары, Эммы, Светланы, Инны, Татьяны, Ольги. Все они, как и их мать, стали учительницами — все окончили Вологодский педагогический институт. Этого хотел отец. Всю жизнь сожалел он, что самому не довелось получить высшего образования. Но что поделаешь — такое было время.

Бережно сохраняется в доме все, что связано с памятью Анисима Павловича. Хозяйка извлекает из атласной шкатулки награды мужа. Среди них медаль «За боевые заслуги». Она была для него самой дорогой — ее вручили в ознаменование 50-летия Советской власти, когда Анисим Павлович был уже персональным пенсионером республиканского значения.

* * *

ТРУДНОЕ БЫЛО ДЕТСТВО у Сими Фомина. Отец умер рано, на руках матери остались два сына. Сима старший. За плечами 13 лет, а на ладонях уже плотные мозоли. Кулак Пеньевской любил загребать жар чужими руками, заставляя батраков гнуть спину до рассвета до темна.

Как-то раз с обозом приехал Сима в Шангалы. Апрельский снег хлюпал под лаптами. Возле дома военного правления привлекла внимание большая толпа людей. Многие были в шинелях. Что там?

— Новую власть устанавливают, — пояснил бородатый возчик.

Как зачарованный, стоял Сима, вслушиваясь в речи ораторов. Силился понять смысл незнакомых слов: Зимний Дворец, Смольный, революция, Ленин. Особенно тронуло выступление молодого матроса. Скав в кулаке бескозырку, он погрозил в сторону дороги, откуда только что приехал Сима.

— Отныне земля перейдет крестьянам, их дети будут учиться грамоте...

Трепетно забилось сердце. Еще позапрошлой весной закончил Сима церковно-приходскую школу в Строевском. Поступил было в Вельское начальное училище, но пришлось бросить учебу — надо кусок хлеба добывать. Теперь появилась новая надежда...

В тот день в Камкинской волости установили Советскую власть. И случилось так, что бородатый возчик, с которым приехал Сима, оказался старым знакомым. Федору Зыкову — члену только что избранного волисполкома. Пошли к нему ночевать в Заостровье.

В доме у Зыкова оказался и тот матрос, выступление которого особенно понравилось Симе. Был это Алексей Тимофеевич Заостровцев из деревни Маломитинской. Ему, балтиецу, выпало большое счастье — он стоял часовым у кабинета В. И. Ленина в Смольном. Было что вспомнить в тот вечер и самому Федору Дмитриевичу — участнику штурма Зимнего дворца. Долго не мог заснуть на послания Сима, послушавшиеся волнующих рассказов про далекий Питер, про бурные события, которые всколыхнули всю Россию и даже весь мир.

А в селе Строевском, как был, так и остался кулак Пеньевской. Не хотелось Симе возвращаться к нему.

— Ничего, браток, — сказал Зыков утром, когда все собрались за самоваром, — скоро доберемся мы и до своего хозяина. А тебя пошлем на учебу. Потерпи!

Федор свое слово сдержал. Осеню Симу вызвали в Шангали, определили в только что открытую школу второй ступени: она разместилась в особняке купца Медведева. А некоторое время спустя поставили на довольствие в Поржемский детский дом — это было большим подспорьем для Сими.

Молодой учитель Александр Иванович Стениловский, присланный сюда из Вельска, подолгу беседовал с каждым учеником. Крепкий белокурый мальчик Сима Фомин понравился ему с первого взгляда. Общительный характером, доверчивый к людям, он всегда был готов поделиться последним куском с ближним. Честный, открытым человеком должен вырасти!

Однажды учитель попросил Сими оставаться после уроков. Повел с ним неторопливую беседу о Российском коммунистическом союзе молодежи, о его целях и задачах. Потом дал тоненькую книжку.

— Вот, почитай на досуге, тут про новую жизнь рассказало. Что непонятно — спросиши.

Сима все понял.

— А почему бы, Александр Иванович, у нас в школе не создать ячейку РКСМ? — спросил он учителя.

— Сообщи легче строить жизнь по-новому.

— Я тоже об этом думаю, — улыбнулся коммунист Стениловский, — может быть, ты возьмешься за это, а? Поговори с ребятами.

С того и началось. Все ближе и ближе к Симе Фомину стали держаться ребята: Коля Бобин, Саша Колтав, Миша Чистиков, Коля Шанин, Гриша Мартынов, Миша Жаворонков и другие. Им нравились его рассказы о героях гражданской войны, о Ленине, о новой светлой жизни, какая придет и сюда на Устье.

Симино окружение — это по-существу уже была ячейка РКСМ, только не оформленная юридически. И вот наконец Стениловский назначил организационное собрание. Умытые, причесанные, в чистых холщовых рубахах, пришли ребята в класс. Как и полагается, избрали президиум, повели протокол. Александр Иванович рассказал об устройстве комсомола, об исторической речи В. И. Ленина на только что закончившемся III съезде РКСМ.

Первым подал заявление Фомин. За ним еще несколько человек. Председателем ячейки избрали Симу. Это было 16 октября 1920 года. С тех пор и прошло...

СУРОВАЯ ЮНОСТЬ

вали его на селе коммуненком. Слово это в устах кулаков и их подпевал звучало с ироническим оттенком, но Сима гордился своей кличкой. Она придавала ему силы, наполняла его жизнь новым содержанием.

Прежде всего и сам вожак молодежи и его товарищи по ячейке потянулись к учебе — звание члена РКСМ обязывало быть образцом для других. Но этого мало — Сима с друзьями стал в ответе за всех в школе. К каждому члену союза закрепили одного-двух отстающих учеников.

Немалый вклад внесли шангальские комсомольцы и в дело ликвидации неграмотности среди местного населения. Учебой были охвачены все крестьяне в возрасте до 50 лет. Учили их не только в пунктах ликбеза, но и на дому. Миша Рогозин, например, обучал грамоте свою хозяйку в Пакшеньге, у которой снимал угол, и она в знак благодарности не стала брать с него квартплату. Помог своим старикам избавиться от вековой неграмотности и Сима Фомин.

* Михаил Васильевич Рогозин в настоящее время проживает в Вологде, работает главным инженером филиала Гипролестранса.

По вечерам члены ячейки спешили в народный дом, на Горку. Там размещались сельский клуб и библиотека-читальня. Как сделать, чтобы люди не обходили стороной этот старинный, уже покосившийся склон особняка?

Комсомольцы приносили интересную, чаще приключенческую книгу и начинали по очереди громко читать. Народ все подходил и подходил. На самом интересном месте останавливались, чтобы продолжить заставу. На следующий вечер еще задолго до назначенного часа помещение наполнялось людьми — каждому хотелось занять место. Но прежде чем продолжить книгу, кто-либо из членов ячейки делал политинформацию.

Косилось духовенство на молодых ребят — потянули людей на свою сторону. А у членов ячейки уже новая идея — поставить пьесу. Своими силами и на местную тему. Да такую, чтобы задела за живое селян. За драматургами дело не стало. Особенные давались такие пьесы Мише Рогозину. Сюжет черпал из жизни. Фамилии меняя, но многие себя узнавали. И смех, и лекарство!

Авторитет ячейки еще больше возрос после одного субботника. Испокон веку спускались жители к реке по крутым угорам. Доставить воду или прополоскать белье — целая проблема. Особенно в сырой погоду. И вот члены ячейки собрали молодежь — сделаем подъезд к реке!

И сделали. Спуск этот существует и по сей день.

СТРАНА, опустошенная многолетней войной, переживала тяжелое время. Этим воспользовались местные кулаки. В марте 1921 года им удалось поднять мятеж в Никольской волости, на родине Сими Фомина. Не дремали подстрекатели и в Шангалах — выступления кулаков ожидали с минуты на минуту.

Для Сими и его друзей пришел час суровой проверки. Комсомольцы объявили себя мобилизованными, занятия в школе были прерваны. Сима собрал учащихся, ознакомил с планом действий, который получил от секретаря партийчика. Разбрелись по группам, пошли по домам: надо было разъяснить людям, что они попали в сети кулакского заговора и глубоко заблуждаются.

Сам Сима и его закадычный друг Коля Шанин направились в деревню Климовскую. Дом богатого кулака был уже до отказа заполнен вооруженными людьми. Хозяин открыто призывал к расправе над членами волисполкома.

Сима, бледный и взъерошенный, подошел к столу. На него уставились десятки разъяренных глаз.

— Не слушайте этого прихвостня! — кинул он в сторону кулака. — Это наш открытый враг. Давайте лучше разберемся, чем мы недовольны. Наша народная власть умеет исправлять свои ошибки...

— Заткнись, коммуненок! — крикнул взбесившийся кулак, выхватив из-под лавки топор.

Кто-то сбил Симу с ног, кто-то услужливо подложил под его шею полено: «Руби ему голову!»

Кулак, с налитыми кровью глазами, занес топор, чтобы нанести удар. Но в этот миг Коля Шанин подскочил к нему, вцепившись в его волосатую руку. Топор выпал, воткнувшись в половицу рядом с Симой головой.

Подоспевшие комсомольцы с большим трудом отстояли своего вожака. Не зря рисковал он жизнью: одумались крестьяне, отвернулись от кулаков. И когда конный отряд под командованием вельского военкома Ушакова на рыхах вошел в Шангали, здесь уже было спокойно. Сима сам попросил комиссара не называть крестьян, оказавшихся по своей оплощенности рядом с заговорщиками-кулаками. С тех пор прозвище «Сима-коммуненок» приобрело свое истинное значение в устах односельчан.

Вскоре Симу избрали членом Вельского уездного комитета комсомола. В том же году он впервые побывал в Вологде как делегат четвертого губернского съезда РКСМ. А через год Сима окончил школу второй ступени, переведенную к тому времени в Куст, и был выдвинут на постоянную работу в Вельский уездный комитета.

Беспокойна жизнь инструктора уездного комитета РКСМ. Редко когда заночувши дома — одна коммандировка за другой. Железной дороги в здешних краях тогда не было, подвода тоже не всегда попадалась. Пешком приходилось мерять версты. Но любил Сима эту беспокойную работу. Радовало и то, что часто приходилось бывать в родных волостях — Никольской, Шангальской, Ростовской, Малодорской.

Осенью 1922 года Анисим Фомин вторично приехал в Вологду — на этот раз учиться в губернскую совпартшколу. И здесь наряду с учебой нашлось время для общественной работы — его избрали секретарем комсомольской ячейки. А вскоре Фомина приняли кандидатом в члены партии.

Через год, обогащенный свежими знаниями, Анисим вернулся в Вельск. Приехал коммуненком, но от комсомольской работы не отстал. Был некоторое время заместителем секретаря укома РКСМ, а затем — секретарем.

На ВСЮ ЖИЗНЬ запомнился Фомину жаркий июльский день 1924 года. В составе делегации от Вологодской губернии прибыл он в Москву, чтобы принять участие в работе VI съезда РКСМ. Анисим шагал по перрону Ярославского вокзала, рядом с ним были его товарищи по комсомолу — Дима Чекулаев, Петя Колчин, Женя Кочетовская, Петя Юрьевский и Ваня Макаровский.

В Третьем Доме Советов, где разместилась вологодская делегация, задорно звучали революционные песни, шел оживленный обмен мнениями. Отдохнув с дороги, комсомольцы осмотрели достопримечательности Москвы, а потом направились в Большой театр.

... Делегаты съезда молча почтили память вождя революции Владимира Ильича Ленина, склонив головы. И она в знак благодарности не стала брать с него квартплату. Помог своим старикам избавиться от вековой неграмотности и Сима Фомин.

[Окончание на 4 стр.]

На снимках: 1. 1924 год, Анисим Фомин — секретарь вельского укома комсомола.

2. Таким, как всегда неунывающим, был Анисим Павлович в последние годы своей жизни.

(Снимки из семейного альбома Фоминых).

Но вот началась другая часть работы съезда. Бурей оваций приветствовали собравшиеся решение о том, что отныне комсомол будет именоваться Ленинским.

Затаив дыхание, слушал Анисим выступление Надежды Константиновны Крупской. Говорила она тихо, спокойно. Слова ее были просты и убедительны.

После официальной части работы съезда делегаты разделились на секции. Фомин оказался в секции культпросветработы, которой руководила сама Крупская. Надежда Константиновна высказала много полезных советов, внимательно прислушивалась к словам делегатов. Слушала и Анисима, который поделился опытом работы в Вологодской деревне.

Много воды утекло с тех пор, много дорог отшагал Анисим Фомин. Возглавлял уездную комсомольскую организацию в Кадниково, заведовал политпросветотделом в Вологодском губкоме ВЛКСМ. А после службы в Советской Армии, которую проходил в г. Гризовце, перешел на советскую и хозяйственную работу. Тотьма и Бабушкин на Сухоне, Черевково и Верхняя Тойма на Северной Двине — вот основные этапы его довоенного пути.

В Отечественную войну Анисим Павлович был на фронте. Салют в честь Победы застал его на посту военного коменданта одного небольшого города в Польше. В конце сорока пятого года навсегда вернулся в Вологду — в город своей беспокойной комсомольской юности. Был председателем Вологодского сельского райисполкома, заведовал орготделом в облисполкоме, в последние годы перед выходом на заслуженный отдых возглавлял охотничье хозяйство области.

Жизнь не всегда текла своим чередом, сгущались и тучи над головой. Но Фомин всегда оставался самим собой, бодрым, верящим в справедливость дела, которому посвятил себя без остатка. На склоне лет он любил в кругу близких друзей повторять слова из стихотворения В. Луговского:

Как нас в жизни трепало, мотало, мело!
Раньше тридцать бы жизней в такую вошло:
Оттого, что юнцами несли на плече
Серп и молот на выцветшем кумаче!

ПОМНЯТ Анисима Павловича Фомина жители Устьянского района. Его портрет, написанный на большом холсте, занимает почетное место на главной улице районного центра, носящей имя Ленина. На здании бывшей школы второй ступени, где Сима создал первую на Устье комсомольскую ячейку, прикреплена мемориальная доска.

В первой ячейке было восемь молодых энтузиастов. Сейчас в Устьянской районной комс